

МЕТОДОЛОГИЯ

Г.И. МУСИХИН

Консерватизм и постмодернизм: между теоретическим союзом и идеологической несовместимостью*

Цель статьи – рассмотрение особенностей взаимоотношений консерватизма и постмодернизма. Обозначены как сходные, так и антагонистические моменты во взглядах постмодернистов и консерваторов; проанализированы причины таких сложных взаимоотношений. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день полноценный синтез постмодернизма и консерватизма маловероятен, так как очевидное теоретическое сходство блокируется не менее очевидными политическими различиями между консервативным традиционализмом и постмодернистским новаторством.

Ключевые слова: консерватизм, неоконсерватизм, постмодернизм, идеология, политическая теория, рационализм, антирационализм.

The aim of this article is to examine the features of the relationship of conservatism and postmodernism. The article identified as similar and antagonistic points of views of postmodernists and conservatives, analyzed the causes of these complex relationships. The author concludes, at the moment a complete synthesis of postmodernism and conservatism is unlikely, because obvious theoretical similarity blocked no less obvious political differences between conservative traditionalism and post-modern innovation.

Keywords: conservatism, neoconservatism, postmodernism, ideology, the political theory, rationalism, antirationalism.

Взаимоотношениям консерватизма и постмодернизма уделяется не так много внимания, как того требует лежащая на поверхности общность обоих направлений, выражающаяся в бескомпромиссной *критике рационализма как идеологической (консерватизм) или дисциплинарной (постмодернизм) тенденциозности*. Хотя то, что я обозначил данное сходство разными терминами, не случайно и свидетельствует и о существенных различиях между консерватизмом и постмодернизмом. Поэтому основная цель данной статьи – рассмотрение созвучий и диссонансов, возникающих в развитии консервативных и постмодернистских течений мысли. Кроме того, целесообразно

* Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0083 “Современные тенденции в теории идеологий”, осуществляемого при поддержке Программы “Научный фонд Государственного университета – Высшей школы экономики”.

попытаться определить, чего же больше во взаимоотношениях этих двух значимых идейных направлений: сходств или различий, вернее, какие различия и сходства более значимы?

Недостаток внимания к вышеобозначенной параллели тем более удивителен, что она сопряжена с очевидным историческим парадоксом: антирационалистическая критика консерватизма, разворачивавшаяся более чем два века назад, оценивалась как реакционная (реставрационная/романтическая), а критикуемые оппоненты провозглашались радикалами и революционерами, порожденными “хиимерами” философии Просвещения. Если же говорить о современной постмодернистской критике проекта Модерна, родившегося из рационализма Просвещения, то она воспринимается не иначе, как критика радикальная, хотя по своим приемам очень похожа на консервативный иррационализм. Однако ни сторонники постмодернизма, ни носители консервативных идей не уделяли этому парадоксальному факту сколь-нибудь заметного внимания. Более того, консервативные авторы часто демонстрировали свою неприязнь к идеям постмодернизма (а как еще консерватор может относиться к радикализму?!). Хотя на рубеже тысячелетий позиции консерватизма и постмодернизма так близко подошли друг к другу, что впору задуматься о феномене “постмодернистского консерватизма”. И тем более примечательно, что такого феномена не возникло.

“Антисущностная” сущность постмодернизма

С самого начала необходимо обозначить тот факт, что постмодернизм – одна из сложнейших современных концепций. Причем сложность эта во многом проистекает не только (и не столько) из самого содержания постмодернизма, а из того, что считать содержанием постмодернизма. Более того, сложно вычленишь не только общий набор постмодернистских “истин”, но и список собственно постмодернистских мыслителей. И хотя многие сразу же вспомнят М. Фуко, Ж. Дерриду и Ж. Бодрийяра, в следующий момент нужно будет констатировать, что между этими авторами существуют серьезные (зачастую непреодолимые) различия. Кроме того, сразу же следует вспомнить, что приставка “пост” использовалась многими другими направлениями общественной мысли, которые переплетались (а зачастую и конкурировали) с постмодернизмом (вспомним, например, постструктурализм). Поэтому нанесение на “концептуальную карту” координат постмодернизма представляется не самой простой задачей.

Сделав эту оговорку, тем не менее необходимо попытаться обозначить тот набор понятий и ту группу авторов, которые ассоциируются с термином “постмодернизм”. Мне представляется, что одним из наиболее удачных обозначений сути постмодернизма является определение Ж.-Ф. Лиотара, который понимал постмодернизм как “недоверие к метанарративам” [Lyotard, 1984, р. XXIV] (в русском переводе: “недоверие в отношении метарассказов”, что представляется мне не совсем удачным [Лиотар, 1998, с. 10]). Иными словами, постмодернистская позиция демонстрирует недвусмысленный скептицизм по отношению к тому общему пониманию человека и общества, которое стало следствием стремления эпохи Просвещения трактовать действительность на основе объективности (или системной субъективности), разумности и универсальности. Отказ от амбиций *тотальной просвещенческой метаидеологии* сопровождался для постмодернизма сосредоточением на “малых нарративах” [Lyotard, 1984, р. 60] с неизбежным возрастанием относительности, неопределенности и непредопределенности результатов в исследованиях.

Идея о том, что явления обладают определенной сущностью, была объявлена рационалистическим (в некоторых интерпретациях – позитивистским) гносеологическим допущением, сделанным для того, чтобы объективное определение истины в реальном мире стало достижимым. А если нет никакой объективной реальности, доступной для понимания, необходимо сосредоточиться на “гибких сетях языковых игр” [Lyotard, 1984, р. 17], которые воплощают субъективные интерпретации мира индивидами. Таким образом, интеллектуальная программа постмодерна была проектом

борьбы с “рационалистическим фундаментализмом” через деконструкцию и децентрализацию субъективности.

Даже такого поверхностного взгляда на идеи постмодернизма достаточно, чтобы обнаружить их сходство с консервативной критикой рационалистического оптимизма. *И в условиях почти синхронного распространения постмодернизма и отступления традиционных левых идеологий можно было бы ожидать плодотворного синтеза постмодернистских принципов и консервативных идей.* Однако в действительности ничего подобного не наблюдается. Современная консервативная мысль либо вообще игнорирует постмодернизм, либо относится к нему открыто враждебно, представляя в поистине диалектическом виде анти-антирационализма и иллюстрируя гегелевский закон отрицания отрицания.

Идеи имеют значение: от тоталитаризма к мультикультурализму

Если не концентрировать исследовательское внимание на самом термине “постмодернизм”, можно обнаружить достаточно долгую и богатую историю взаимодействия (и притом, конфликтного) консерватизма с тем комплексом взглядов, которые принято приписывать постмодернизму. Более того, существует мнение, что современный консерватизм может быть понят именно как реакция на вызовы постмодернизма. При этом в качестве авторитетов указываются М. Оукшот и Л. Штраус, которые задолго до взлета популярности постмодернизма в академических кругах предупреждали об опасности распространения постмодернистских идей (см. [Devigne, 1994, p. XI]).

Штраус видел одной из своих основных задач противодействие историцизму и релятивизму, внедренному в европейскую “когнитивную моду” сначала Ф. Ницше, а потом М. Хайдеггером. Показательно, что именно последние стали ключевыми источниками вдохновения для постмодернистов. Штраус опасался, что гремучая смесь историцизма и релятивизма может привести к распространению в обществе агрессивного нигилизма, подрывая веру в объективные нормы морали и политического блага, что в свою очередь может разорвать ткань взаимных общественных обязательств (см. [Strauss, 1953]), открывая дорогу победе тоталитаризма.

Источник этой угрозы Штраус находил в современной традиции естественного права, заложенной Н. Макиавелли и Т. Гоббсом. Для противодействия подобным идеям предлагалось обратиться к незыблемым моральным принципам, обладающим универсальной силой и поддающимся разумному обоснованию. Выход Штраус видел в возрождении античных традиций естественного права, содержащихся в лучших образцах классической философии. Поэтому философ должен обладать привилегированным положением по отношению к знанию.

Таким образом, критика просвещенческого рационализма не мешала Штраусу оставаться приверженцем объективности и универсальности, защищать связь морали и политики, утверждать приоритет особой западной интеллектуальной традиции. Философ не полемизировал с постмодернизмом, но имплицитно в его взглядах заложена очевидная конфронтация с постмодернистскими интеллектуальными и мировоззренческими построениями.

В критике релятивизма Штраус был не одинок. О релятивизме как основной болезни общества писали многие консервативные авторы после Второй мировой войны (см., например, [Weaver, 1948]). Для представителей консервативного направления мысли было очевидно, что идеи имеют последствия, поэтому значительная доля ответственности за моральные и политические катастрофы первой половины XX в. возлагалась ими на искушение, которому поддалось западное общество, увлекшись ложными (с точки зрения консерваторов) философскими доктринами.

Помимо “философского консерватизма”, еще одним направлением консервативной мысли, уделявшим особое внимание “ошибочным” идеям, был американский неоконсерватизм. В этой связи представляют особый интерес взгляды раннего Д. Белла – одного из немногих консервативных авторов, непосредственно выступивших против

постмодернизма. По его мнению, постмодернизм следует рассматривать как продукт культурной революции 1960-х гг. и одновременно как продолжение основной линии модернизма [Bell, 1976, p. 46–54], который характеризовался особой “культурной чувствительностью”, состоявшей в отказе признавать ограничения и одновременной жажде непрерывных перемен. Подобный модернистский дух, с точки зрения Белла, несет ответственность за подрыв традиционных нравственных и социальных ценностей на рубеже XIX–XX вв. Отличие же постмодернизма состояло в том, что он еще радикальнее и тотальнее был настроен в своей борьбе с традиционализмом. Если модернистский радикальный антитрадиционализм ограничивался сферами искусства и воображения, то постмодернизм поставил под сомнение весь общественный порядок и нравственность. Кроме того, если истинный модернизм оставался делом достаточно элитарным, то постмодернизм, взрывая все границы, понес контркультурный пафос в массы.

Следует отметить, что американский неоконсерватизм регулярно обращался к интеллектуальному наследию Штрауса, критикуя пагубные (с точки зрения неоконсерваторов) интеллектуальные тенденции современности, имеющих опасные социальные, политические и даже экономические последствия (см., например, [Kristol, 1983]). И хотя система аргументации у различных консервативных авторов могла быть очень разнообразной, все они сходились в том, что культурные тенденции 1960-х гг. несли угрозу всей западной цивилизации.

Особую озаботу консервативная критика культурной и нравственной деградации общества приобрела в 1980-е гг., когда правые политические силы перешли в наступление на государство всеобщего благоденствия, породив знаменитый исторический феномен “консервативной волны”. Примечательно, что если сам Штраус был крайне осторожен в привнесении своих философских взглядов в реальную политику (особенно это относится к очевидной антидемократичности штраусовского государства), то его последователи выражали свою позицию смелее, не боясь вступить в очевидную конфронтацию с демократическим культурным трендом второй половины XX в. Во многом благодаря этому критика релятивизма и постмодернизма, которая долгое время игнорировалась неконсерваторами, в 1980-е гг. вышла на первый план идеологических столкновений¹.

Показательна в этом смысле дискуссия, развернувшаяся вокруг путей развития образования на Западе. Именно постмодернизм последователи Штрауса выделяли в качестве основной угрозы традиционной системе образования, особенно ополчившись против знаменитого принципа деконструкции, который ведет к “отказу от истины во имя философии, когда творчество переводчика важнее, чем текст”. В результате все замыкается на интерпретаторах, “которые говорят, что нет ни текста, ни реальности, этим текстом описываемой” [Bloom, 1987, p. 379].

Эта дискуссия вышла за рамки сугубо интеллектуального спора, так как консерваторы осуждали ученых, занимающихся проектом “разоблачения фасада объективности” [D’Souza, 1991, p. 157] не только с чисто эпистемологических позиций. Подобная “интеллектуальная эквилибристика” только усиливала моральный релятивизм. Так, один из американских профессоров выражал тревогу по поводу того, что идея о том, что виновные в Холокосте являются носителями морального зла, не разделялась всеми его студентами [Wilson, 1993, p. 8]. Кроме того, культурный релятивизм вел, по мнению консерваторов, к подрыву национальной идентичности, что угрожало ни много ни мало как национальной безопасности, ибо поощрял “студентов к благосклонному рассмотрению других культур и придиричивому анализу культуры собственной” [Cheney, 1995, p. 26]. Были и более резкие оценки влияния постмодернизма на систему образования. Так, один из британских консерваторов видел в постмодернизме “вирус

¹ Знаковым событием стало обращение к творчеству Штрауса идеологически не ангажированного Р. Порти (см. об этом [Mansfield, 1988, p. 34]).

зла в культуре”, который “ставит нас под сильное воздействие тех, кто заключил договор с дьяволом” [Holbrook, 1994, p. 13].

Нужно отметить, что европейские консерваторы (в отличие от американских) прослеживали преемственность между постмодернизмом и модернизмом². Р. Скрутон в этой связи писал, что разрушение порядка и традиции – дело рук “как модернистов, так и постмодернистов от Сартра до Рорти”, создающих “мир которых лишен всякого авторитета”. То, что позиция Скрутона носит ценностную идеологическую окраску, видно по тому, что он не стесняется в выражениях, заявляя: “релятивизм – первое прибежище негодяя, а вульгарный релятивизм не имеет шансов на выживание вне умов невежественных негодяев” [Scruton, 1994, p. 477, 32, 33].

Вышеобозначенный идеологический запал не был сугубо публицистической риторикой. Скрутон достаточно точно подмечает эпистемологический софизм релятивизма: из утверждения истинности релятивистского видения как идеи релятивизм делает вывод об абсолютности своей истины в практическом смысле, хотя сама суть релятивизма состоит в отрицании истины [Scruton, 1994, p. 33]. Однако, несмотря на очевидную ущербность релятивизма, Скрутон с разочарованием пишет о его широкой распространенности. То есть релятивизм, будучи очевидным злом, вербует все новых и новых сторонников, пользуясь ущербностью человеческой природы. Можно сказать, что постмодернисты уподобляются Фаусту, заключившему договор с дьяволом. Не случайно глава книги Скрутона, посвященная постмодернистской деконструкции, называется “Дьявол”.

Нужно отметить, что собственно интеллектуальные конструкции постмодернизма вызывали у консерваторов скорее лишь иронию по поводу завышенной значимости “странных и заумных” теорий, которые всегда были популярны у интеллектуалов [D’Souza, 1991, p. 182]. Угрозу консерваторы видели в том, что эти постмодернистские идеи служат определенным политическим целям, ибо политизируют сферы образования и культуры.

Пагубность и ценностная опасность подобной политизации, по мнению консерваторов, состоит во внедрении в систему образования таких понятий, как политкорректность, мультикультурализм, политика идентичности и поощрение различий. При этом отмечается не только идейное, но и организационное наступление пагубных идей: критерии приема студентов в университеты, кадровые назначения в вузах, характер программ – все это, по мнению консерваторов, пропитано постмодернистской политизацией.

По мнению Д. О’Салливана, данная деструктивная политизация вырвалась за академические стены, превращая личность в сумму частей и лишая ее (личность) универсальных оснований, идентификация по расе, гендеру или сексуальной ориентации имеет разрушительные последствия для общества [O’Sullivan, 1996, p. 23–43]. Это ведет к текучести идентификации, что подрывает основы сильных и стабильных обществ, создавая уродливые формы социальной мимикрии, когда чуждое содержание имитирует традиционные формы, например понятие гей-семьи, которое ставит под угрозу уникальный и привилегированный статус семьи традиционной.

Иными словами, консерваторы возлагают на постмодернизм ответственность за все: от опасных изменений в образовании до распада семьи. Однако самое парадоксальное в консервативной критике постмодернизма состоит в том, что охранители осуществляют свои атаки как защитники разума, универсализма и объективности, а это значит – *консерваторы выступают защитниками принципов Просвещения*, то есть того самого Просвещения, которое было смертельным врагом консервативной идеологии с момента ее возникновения. Это провоцирует вопрос: *а не имеет ли место кризис идеологической самоидентификации консерватизма?*

² Для американских охранителей подобная идея преемственности была крайне “некомфортна”, так как США были самым концентрированным воплощением Модерна.

Консерватизм как защитник Просвещения?

Признавая, что консерватизм защищает идеалы Просвещения от постмодернизма, но при этом видит прямую преемственность между Модерном и Постмодерном, мы должны будем констатировать тяжелую форму “идеологической шизофрении” современной консервативной мысли. Естественно, что консервативные авторы не настолько дилетанты, чтобы открыто провозглашать себя защитниками Просвещения. Но если мы посмотрим на их конкретную аргументацию, то обнаружим очевидную смысловую непоследовательность. Не кто иной, как Белл, критиковал модернистов за их идеи, порожденные Великой французской революцией и состоявшие в том, что человеку под силу оторваться от корней и переделать свою жизнь так, как он этого хочет. Белл увидел в этом приверженность “утопии Просвещения” [Bell, 1985, p. 53–54]. Однако при этом Белл отождествлял модернистов и постмодернистов за их капитуляцию перед нигилизмом и приверженность к “до-рациональной спонтанности” [Bell, 1976, p. 143]. Очевидно, что одновременная критика своих идейных оппонентов и за приверженность рациональной утопии Просвещения, и за склонность к до-рациональному нигилизму – неудачная попытка усидеть на двух стульях.

Обозначенное выше противоречие в консервативной аргументации очевидно, поэтому не все консервативные авторы были согласны отождествлять модернизм и постмодернизм, чтобы не ослаблять собственные идеологические позиции. Примечательно, что сторонники постмодернизма у таких авторов получили название “левых иррационалистов”, которые считали “идеи универсальности, истины и человеческого совершенства плохой шуткой”, в то время, как левые прошлых времен “критиковали только бедность” [Schwartz, 1990, p. 30].

Однако идеи универсальности, истины и человеческого совершенства лежали в основе идеологии Просвещения. Поэтому можно сказать, что консерваторы, критикуя постмодернизм как уникальное явление, неминуемо оказывались во враждебном лагере классических прогрессистов. Не случайно, критикуя упадок универсального мышления, один из обозревателей отметил: “Только несколько капризных групп справа пытаются напомнить нам о Просвещении и Гегеле” [Lingis, 1994, p. 10]. И если в Европе консервативные авторы старались не впадать в апологетику Просвещения, то в США новые правые делали это достаточно открыто, считая себя свободными от европейского сословно-абсолютистского наследия. Так, А. Блум сетовал на то, что “в Германии Гегель умер в 1933 году, а в Америке Просвещение дышало на ладан в 1960-х” [Bloom, 1987, p. 314]. Л. Чейни призывала противостоять нападению на принципы, с которыми “ассоциируются Соединенные Штаты и их Западное наследие, включая наследие научного мышления Просвещения” [Cheney, 1995, p. 24]. И наконец, еще один американский неконсервативный автор утверждал: “Я страстно верю, что наш народ является наилучшим выражением западной рационалистической традиции” [Will, 1994, p. 139].

При более внимательном рассмотрении можно заметить, что прогрессистские мотивы современного консерватизма – не просто ошибки в аргументации, которые можно списать на воинствующий антиинтеллектуализм американских новых правых. Просвещенческий рационализм и универсализм проник в самую суть консервативной доктрины, что особенно заметно у консерваторов-либертарианцев с их императивным требованием существования свободного рынка как предпосылки прогресса и рационального поведения. Примечательно, что Д. Грей назвал эту позицию “рыночным фундаментализмом, который, подобно марксизму, является вариацией проекта Просвещения” [Gray, 1995, p. 100].

Показательно, что склонность к “рационалистической реставрации” проявлялась не только в экономических взглядах консерваторов, но и проникала в понимание современной жизни вообще, поэтому сентиментальные и иррациональные основания видятся консерваторам как причина современной общественной, медицинской и моральной паники от страха за здоровье до тревог по поводу состояния окружающей

среды [Faking... 1998]. Подобный “рационалистический фундаментализм” мог даже принимать гротесковые черты, граничащие с фарсом на грани приличия. Например, выражая недовольство по поводу широкого общественного сочувствия в связи со смертью принцессы Дианы, один из консервативных авторов с осуждением писал о пагубном влиянии Дианы, из-за которой “чувства, имидж и спонтанность возобладали над разумом, реальностью и сдержанностью” [Faking... 1998, p. 184].

Однако наиболее показательной в рассматриваемой теме является работа Р. Кимбелла с весьма характерным названием “Чье Просвещение?”. Это рецензия на книгу, автор которой, находясь на левых идеологических позициях, защищает универалистские идеалы гуманизма от мультикультурализма. По мнению Кимбелла, невозможно оставаться левым и отрицать мультикультурализм, поэтому книга получилась не левой, а правой; другими словами, защита заповедей Просвещения становится целиком и полностью прерогативой консерватизма [Kimball, 1996, p. 6].

Возможен ли постмодернистский консерватизм?

В ситуации, когда многие консервативные авторы самозабвенно бросаются в бой на защиту принципов рационализма, вполне уместен вопрос: как быть с собственно консервативным наследием, кто защитит его? Ведь *консерватизм, полностью оторвавшийся от своих антирационалистических корней, выглядит довольно нелепо*. В этой связи можно вернуться к вопросу, поставленному в самом начале статьи: могут ли консерваторы воспринимать постмодернистов не как смертельных врагов, а как ценных союзников?

Некоторые структурные параллели между постмодернистским и консервативным мышлением действительно обнаруживаются. В свое время Ю. Хабермас это отметил, заявив, что *неоконсервативные обвинения культуры как источника экономических и политических бед напоминают постмодернистскую логику социальной причинности* [Habermas, 1985, p. 6–8]. Выделяя моральную распущенность как виновницу экономической и политической нестабильности, многие консерваторы, сами того не осознавая, вторят постмодернистскому идеализму, который искал объяснения экономическим и политическим событиям в области культуры.

Естественно, структурное сходство в аргументации еще не доказывает родство самих целей данной аргументации. Однако Хабермас находит более глубокие философские основания родства консерватизма и постмодернизма. В основе данного родства, по его мнению, лежит дух антимодернизма. Поэтому такие мыслители, как Фуко и Деррида, получают ярлык “молодых консерваторов”, так как демонстрируют сходный скептицизм по отношению к Современности, который имел место у “старого консерватора” Штрауса и “неоконсерватора” Белла. Чтобы определить, насколько такая классификация оправдана, нужно внимательнее посмотреть на те точки соприкосновения, которые есть между консерватизмом и постмодернизмом. Ибо эти сходные моменты могут носить либо случайный, ситуативный характер, либо свидетельствовать о глубинном идеологическом родстве.

Если говорить об антирациональных истоках консерватизма, уместнее всего упомянуть Э. Берка, чья атака на рациональное мышление философии Просвещения задала стержень идеологической аргументации всем последующим поколениям консерваторов. Было бы ошибочным упрощением анализировать философию постмодернизма с берковских позиций, и уж тем более бессмысленно провозглашать Берка предтечей постмодернизма. Однако будет небезынтересно сопоставить берковскую аргументацию с постмодернистской перспективой.

Так же, как впоследствии постмодернисты, Берк был крайне сдержан относительно мыслительных способностей индивида, в чем принципиально отличался от сторонников просвещенческого оптимизма, предрекавшего радикальное переустройство общества на основе человеческого разума, отбрасывающего предрассудки. Не без эпатажа Берк писал по этому поводу: “...в этот век Просвещения мне хватило смелости

признаться, что мы люди, обладающие естественными чувствами, что вместо того, чтобы отбросить все наши старые предрассудки или стыдиться их, мы их нежно любим именно потому, что они предрассудки; и чем они старше и чем шире их влияние, тем больше наша привязанность” [Берк, 1993, с. 86].

Благотворные предрассудки, защищаемые Берком, были продуктом нерациональных способностей человека, здравого смысла и интуиции, вместе с исторически накопленной мудростью (воплощенной в традициях и институтах). Они (предрассудки) были для Берка гораздо более адекватным руководством к действию, нежели чрезмерная вера в силу разума. Именно таким естественно-историческим способом (а не через сопоставление с универсальными принципами) формировалась ценностная идентичность всех сообществ.

Таким образом, при очевидных различиях (вряд ли многие постмодернисты согласятся защищать предрассудки как форму мудрости) аргументации Берка и постмодернизма между этими позициями можно обнаружить существенное сходство: скептицизм по отношению рационалистического мышления, критика необоснованных амбиций того, что впоследствии К. Мангейм назвал тотальными идеологиями [Мангейм, 1994^a], акцентированное внимание к частному и случайному, защита уникальных традиций и сообществ.

Вышеобозначенное сходство влечет за собой и сходные релятивистские последствия для гносеологии беркианского консерватизма и постмодернизма. В этой связи наблюдается очевидный парадокс в развитии идеологий, ибо “одним из парадоксов истории является то, что рост релятивизма, яростно атакуемый правыми, имеет своим происхождением консервативную реакцию на Просвещение” [Furedi, 1992, p. 120]. И действительно, если убеждения и самоидентификация различных общин вытекают не из каких-то универсальных оснований, а являются результатом целиком зависящего от истории наблюдения, то мы можем констатировать только уникальность данных общин, нахождение общего и связующего между ними становится логически невозможным. Если предрассудки одной общности не имеют обязующей силы в другой, это еще не основание для систематического ценностного сравнения данных общностей.

Более того, даже сама реальность может “просочиться сквозь пальцы” консерватизма, просто фиксирующего уникальность традиций, точно так же, как исчезает реальность, полностью лишенная объективного основания, в субъективирующемся (но лишенным субъекта) постмодернистском дискурсе. И хотя сложно найти таких консерваторов, которые бы доводили консервативное мышление до релятивистской крайности, тем не менее показательно “усовершенствование” Берка, которое принял Штраус, выступив непоколебимым защитником общих принципов морали и справедливости от “растлевающего” влияния релятивизма [Strauss, 1953, p. 312–323].

Еще одно очевидное сходство между современным консерватизмом и постмодернизмом обнаруживается в критике тоталитарных идеологий. В этом смысле индивидуалистическое либертарианство очень близко постмодернизму в своей предположенной к дисперсной и фрагментарной социальной философии. В результате современный консерватизм сформулировал собственный дискурс идентичности, основанный на акцентировании различий. При этом делаются попытки привлечь данные современной науки для того, чтобы доказать обоснованность различий в человеческом интеллекте (в том числе и на расовой основе) (см., например, [Murray, Herrnstein, 1994]). Можно сказать, что либертарианский консерватизм, отрицая мультикультурализм, защищает его под другим именем этноцентризма, считая, что этнический признак ведет к неустранимым культурным различиям.

Подобное сходство с постмодернизмом можно найти даже у Р. Скрутона, считавшегося бескомпромиссным критиком постмодернизма. Как консерватор-традиционалист он испытывал недоверие к науке и идее прогресса, неприятие рационализированных идеологий и ценностей, настаивающих на универсальных принципах гуманизма [Scruton, 1984]. Но особенно ценно для нас не то, что Скрутон критикует наследие Просвещения (для традиционалиста это естественно), а то, каким образом

разворачивается его критика. В его аргументации обнаруживаются явные признаки социального конструктивизма, так как, по его мнению, “человеческий мир является социальным и социально сконструированным” [Scruton, 1994, p. 495]. В этом смысле собственные взгляды Скрутона вполне укладываются в релятивистскую тенденцию постмодернизма в том, что индивидуальный либеральный монолог от первого лица с его презумпцией рациональных автономных индивидов должен быть серьезно дополнен перспективой третьего лица [Scruton, 1994, p. 192–200].

Вышеотмеченное не означает, что Скрутон признает сходство между постмодернизмом и консерватизмом (на самом деле, он отождествляет постмодернизм с модернизмом), однако его собственные слова свидетельствуют, что *постмодернизм приближается к консерватизму ближе, чем хотелось бы последнему*. В этом смысле Скрутон не случайно открыто соглашается с утверждением Лиотара о том, что вдохновленные Просвещением метанарративы являются несуществующими. Другое дело, что английский консерватор-традиционалист не видит в этих постмодернистских откровениях ничего нового для критики просвещенческого рационализма: “...если постмодернизм сигнализирует, что эта точка зрения оказалась ошибочной и мировое развитие может замедлиться, останавливаться и даже обращаться вспять, то небольшое количество мудрости, накопленное за последние четыре сотни лет, было не напрасным”, но мудрость эта была накоплена не постмодернистами, а такими подвижниками, как Э. Берк, Ж.-М. де Местр и Т.-С. Элиот [Scruton, 1992, p. 3].

Таким образом, можно констатировать, что хотя отношения консервативных авторов к постмодернизму не было однозначно дружественным, созвучия и диссонансы у разных консерваторов с постмодернистами различны. Так, если концепция Штрауса, построенная на традиционных универсальных принципах, была жестко и недвусмысленно конфронтационной по отношению к постмодернизму, то позиция М. Оукшотта, уделявшего основное внимание критике рационализма, имеет с постмодернизмом много точек соприкосновения (см. [Devigne, 1994, p. 190–193]).

Неудивительно, что среди постмодернистских авторов к Оукшотту мы встречаем достаточно благосклонное отношение. Так, Р. Рорти, жестко критиковавший потенциальный элитизм Штрауса [Rorty, 1988, p. 28], положительно оценивал оукшоттовский антирационализм [Rorty, 1980, p. 264, 318, 389–394]. Кроме того, Рорти непосредственно ссылается на Оукшотта в собственном понимании философии. Это касается утверждения Оукшотта о том, что во фразе “это неправда (это не истина)” нет ни предположения, которое должно быть доказано, ни умозаключения, к которому можно стремиться” [Oakshott, 1962, p. 198]. В свою очередь, Рорти утверждал, что философия должна рассматриваться как одна из форм общения среди многих других, а потому не имеет привилегированного статуса гаранта истинного знания.

Было бы ошибочным упрощением приписывать Оукшотту непосредственные постмодернистские склонности (переключку с постмодернизмом можно найти и у Берка, которого вряд ли следует считать гуру постмодернизма). Однако некоторые соображения Оукшотта можно рассматривать как ресурс для формирования постмодернистской доктрины. В частности, это касается его предпочтения практического знания, которое он отличал от “печально известного” технического знания рационалистов [Oakshott, 1962, p. 7–13]. Кроме того (и в этом принципиальное отличие от Штрауса), Оукшотт не возлагал на естественно-правовую традицию ответственность за деградацию современного мышления. Более того, он высоко оценивал антирационалистический скептицизм Гоббса, который требовал применения неинструментальных, а скорее, органических правил для общественного регулирования [Oakshott, 1975, p. 108–129]. И это прямо переключается с идеями плюралистического мультикультурного общества.

И наконец, следует обратиться к авторам, которые непосредственно видели возможность синтеза консерватизма и постмодернизма. Это прежде всего Н. О’Салливан и Д. Грей. Последний на протяжении многих лет пытался обосновать существование “постмодернистского либерального консерватизма”. Для Грея наиболее родственным

постмодернистским автором был Рорти с его историцистской концепцией постмодернистского буржуазного либерализма как философского мировоззрения, отвечающего потребностям постмодернистского фрагментированного общества. Грей исходил из того, что либерализм как претензия на общезначимое рационально универсализированное понимание мира продемонстрировал свою несостоятельность – как сам по себе, так и будучи заимствованным коммунизмом и новыми правами. Однако в качестве исторической практики либерализм вполне востребован как специфический западный артефакт. Тем самым можно обосновать жизнеспособную “форму постмодернистского индивидуализма, осознающего свои исторические особенности” [Gray, 1993, p. VIII, 259].

Поэтому консерватизм оказывается необходимо востребованным в такой постмодернистской философии. Именно консерватизм несет в себе осознание локальности и ограниченности нашего индивидуального опыта, обуздывая универсалистские притязания либерализма. То есть значение консерватизма в “исправлении иллюзии о том, кто мы есть, вернее – кем мы никогда не можем быть: ...свободными суверенными субъектами, дистанцированными от всех социальных конвенций и традиционного наследия”. Хотя следует отметить, что Грей критически относился к “чистому” традиционалистскому консерватизму, ибо последний предъявляет к многообразной современной действительности слишком жесткие культурные требования, по сути, являющиеся долженствованием, а не ссылкой на историческую традиционную данность [Gray, 1993, p. 262]. И здесь Грею уже нужен либерализм, который позволяет консерватизму стать адекватной философией фрагментарной постсовременности.

Что касается О’Салливана, то он находил в постмодернизме “следы” консервативной мысли, которая существовала задолго до появления постмодернизма. Будучи автором *определения консерватизма как философии несовершенства*, он продвигал идею “ограниченного стиля политики” [O’Sullivan, 1976, p. 11–12]. Именно поэтому в ситуации всеобщего недовольства универсальной западной гуманистической традицией, постмодернизм оказался наиболее подходящей идейной конструкцией для защиты такого стиля [O’Sullivan, 1993, p. 22].

Не случайно О’Салливан концентрирует внимание на деконструкции представлений постмодернизма о собственной (постмодернизма) ценности, называя эту саморепрезентацию “философией скромности” [O’Sullivan, 1993, p. 31–34]. Данная “скромность” включает в себя три компонента: децентрализацию космоса как бытия, где случайность признается частью естественного течения жизни; отрицание идеи абсолютного знания; отказ от европоцентризма, провозглашавшего универсальный характер западных ценностей.

Так же, как и Грей, О’Салливан далек от мысли отказаться от ценностей и институтов западного либерализма, он только настаивает на том, что эти ценности и институты не имеют универсального, “фундаменталистского” характера [O’Sullivan, 1993, p. 35]. Поэтому в качестве способа объяснения общественных ассоциаций и диссоциаций он выбирает гоббсовскую (а не локковскую) логику общественного развития, которая, по его мнению, наиболее отвечает реалиям постмодернистского плюрализма. При этом О’Салливан вступает в прямую полемику с консервативными критиками постмодернизма, обвиняя их ни много ни мало в антиконсерватизме, ибо отстаивая необходимость общих культурных норм в борьбе с релятивизмом, *новые правые и радикальные традиционалисты “слишком много требуют от политики”*, чего истинные консерваторы себе никогда не позволяли [O’Sullivan, 1989, p. 180]. Следовательно, современные консерваторы должны почерпнуть новые интеллектуальные силы в “скромной” постмодернистской философии, не столько потому, что она так хороша, сколько из-за того, что данная философия соответствует собственно консервативной интеллектуальной традиции.

Сложности взаимного позиционирования

Таким образом, следует констатировать, что консерватизм может быть истолкован и как антагонист постмодернизма, и как его союзник. Этот парадокс нуждается в более внимательном анализе.

В этой связи следует подробнее остановиться на позиции Хабермаса, классифицировавшего постмодернистов как консерваторов. Для такой классификации можно найти достаточно оснований, если абстрагироваться от стереотипа, состоящего в том, что постмодернисты сами ориентировались на левую часть идеологического спектра. Данный стереотип мало что объясняет, если учесть, что постмодернизм отрицал сам традиционный идеологический спектр как порождение дисциплинарного общества.

Если же посмотреть на постмодернистский принцип деконструкции, то он с неизбежностью ведет к сужению границ гносеологических притязаний. Тем самым постмодернистская перспектива закономерно имеет консервативные последствия относительно любых социальных и политических проектов, лишая любые крупные социальные преобразования универсальных оснований. Деконструируя такие понятия, как истина и объективность, постмодернизм консервативен в том смысле, что избавляет консервативные убеждения от идеологических дискуссий на фундаментальном уровне благодаря релятивистской неопределенности.

Тем не менее сами сторонники постмодернизма восприняли классификацию Хабермаса крайне негативно. Даже если они отвергали свою самоидентификацию с левыми, они не соглашались на ярлык консерваторов. Рорти, например, заявлял, что “поражен и встревожен” тем фактом, что в критике постмодернизма объединились неоконсерваторы и Хабермас [Rorty, 1987, p. 565]. Не менее едкими опровержениями отреагировал на хабермасовские идеи Лиотар, утверждая, что вся теоретическая конструкция Хабермаса “насилует гетерогенность языковых игр” [Лиотар, 1998, с. 12]. Для самих постмодернистов их идеи ассоциировались с прогрессом, а потому не вписывались в понятие консерватизм, взятом в контексте политики и идеологии.

Однако не следует просто “принимать на веру” самооценку постмодернистов для того, чтобы констатировать ошибочность консервативной ориентации постмодернизма. Не случайно многие правые критики постмодернизма убедительно демонстрировали, что постмодернистская парадигма имеет левые корни, даже если сами ее сторонники открыто заявляют о своем разочаровании в традиционных левых идеологиях. По большому счету, *постмодернизм ускользает от идеологической идентификации* не столько потому, что эта идентификация сложна, сколько из-за того, что *постмодернисты мистифицируют собственную генеалогию*.

Кроме того, большинство постмодернистов, по крайней мере в теории, не оформляют свои интеллектуальные амбиции в чисто консервативных терминах. Знаменитая постмодернистская деконструкция не провозглашается как самоцель, но только как своеобразная прелюдия для дальнейшей реконструкции. И даже если такая реконструкция постмодернизму, по большому счету, не удалась, нельзя поставить знак равенства между постмодернизмом и консерватизмом. Если считать постмодернистов консерваторами только потому, что их идеи имели консервативные последствия, то тогда консерватором окажется и сам Хабермас (см. об этом [Mészáros, 1989]), являющийся сторонником Конституции единой Европы, а как известно, основные сторонники этой Конституции – правоцентристы.

И тем не менее именно полемика постмодернистов с Хабермасом помогает обнаружить неоднозначность идеологической идентификации первых, даже если они стремятся избежать такой самоидентификации. В свое время Рорти отмечал: “Хабермас заявил, что осознает правоту своего этического универсализма, так как последний вызывает громкий вопль со стороны немецких правых... Я же считал само собой разумеющимся, исходя из моего (весьма ограниченного) опыта относительно американских правых, что вопль правых вызывает любое сомнение в этическом универсализме, продиктованное историцизмом” [Rorty, 1987, p. 573–574].

Можно сказать, что и консерваторы, и постмодернисты – во многом антимодернисты. Однако это “анти” зачастую обнаруживает свою различную природу. Для многих консерваторов – например, для Штрауса и Белла – проблема Современности заключается в хаосе (порожденном в том числе и постмодернизмом), который возник скорее из-за коллапса веры в абсолютные, универсальные ценности, нежели вследствие слишком большого доверия к этим ценностям (по версии постмодернизма).

Кроме того, нельзя забывать, что североамериканский и западноевропейский консерватизм содержат в себе существенные различия. Если американские консерваторы – жесткие (иногда воинствующие) защитники определенных общих принципов, то западноевропейские консерваторы более склонны придерживаться ограниченного стиля политики, согласно которому человечество “не в состоянии создать и поддерживать основы политического единства” [Devigne, 1994, p. 193]. В этом смысле отнесение Хабермасом постмодернистов к консерваторам – частная, а не универсальная классификация, ибо имеет в виду более европейских, нежели американских консерваторов.

Хотя определенный парадокс состоит в том, что многие европейские консерваторы в гораздо большей мере находятся под воздействием идей своих американских коллег, нежели прислушиваются к голосу собственной мыслительной традиции. Не случайно О’Салливан подверг критике крайне популярные в Великобритании взгляды Скрутона за разрыв с британской консервативной традицией. А недовольство некоторых европейских консервативных авторов творчеством Оукшотта во многом имеет американские корни: “Оукшотт прав в критике рационалистов, подрывающих все устои – и хорошие, и плохие. Но он не снабжает нас каким-либо руководством для различения добра и зла, не говоря уже о культивировании намерений творить добро, а не зло. Поэтому мы вынуждены искать такое руководство в других местах, обращаясь за помощью к разуму, принципам, убеждениям, религии и всему тому, что необходимо для поддержания цивилизации” [Himmelfarb, 1989, p. 228]. В этих строках, написанных в Великобритании, тем не менее звучит отчетливое настроение американских новых правых, считавших, что консерватизм проявляет недостаточно энергии в защите безопасности для поддержания общих принципов морали (см., например, [Kristol, 1995]).

Таким образом, мы обнаруживаем два совершенно разных отношения к авторитету (как политическому, так и моральному) среди тех, кто идентифицируют себя как консерваторы. И хотя это еще не безусловное основание для типологизации, тем не менее данное различие многое объясняет во взаимоотношениях консерватизма с постмодернизмом. С этой точки зрения наиболее важным пунктом является отношение тех или иных течений консерватизма к разуму и традиции.

Именно два вышеназванных понятия выступают как интегральный элемент различных консервативных течений (см. [Мусихин, 2002; 2006]). Самые ярые приверженцы традиций и партикуляризма, как правило, не отвергают разум как таковой, в то время как новые правые сторонники разума и либертарианских идей Просвещения редко демонстрируют безусловный оптимизм приверженцев рационализма. Для большинства консерваторов приверженность традиции означает не столько отрицание разума, сколько превосходство основанной на опыте мудрости перед абстрактным спекулятивным рационализмом.

В то же время нельзя считать консерваторов приверженцами чистого, основанного на реальности опыта, для них всегда существуют религия и естественное право, не подверженные воздействию истории. Именно под таким углом зрения рассматривают Берка многие американские сторонники консерватизма, видя в отце-основателе сторонника вечных естественных законов и до-современных традиций, хранящих вечные и неизменные ценности (см., например, [Stanlis, 1958]).

Хотя у разных консервативных авторов могут быть различные оттенки содержания, почти все они стремятся поддерживать те или иные убеждения и принципы, которые не могут быть сведены к порождению историцизма. В целом, ни одно из направлений современного консерватизма не заходит так далеко, как постмодернизм, в отрицании

оценочных суждений. Это можно увидеть на примере того, как Рорти использует идею Оукшотта о диалоге. Если Рорти делает из этой идеи вывод, что философия не имеет никакого преимущества перед другими видами знания, то сам Оукшотт к такому заключению не приходит. Для него философия (по крайней мере, в некоторых случаях) – высшая форма понимания.

В то же время, находя у консерваторов лексические сходства с защитниками идей Просвещения, не стоит принимать их (консерваторов) за рациональных сторонников Модерна. И хотя для американских неоконсерваторов последнее может иметь историческое объяснение (учредительные документы США покоятся на просвещенческих основаниях), тем не менее они пытаются “ранжировать” наследие Просвещения в консервативных целях. Например, И. Кристол осуждал утопизм континентального Просвещения в духе Вольтера и Д. Дидро и приветствовал здравый смысл и уважение к традициям в англо-шотландском Просвещении Д. Юма и А. Смита (Д. Локк у него, естественно, в эту канву не вписался, хотя он и был шотландцем и просветителем) [Kristol, 1983, p. 141–153]. При этом Кристол ссылается на восхищение, которое проявлял Берк к Смиту, чтобы продемонстрировать родство между консервативными традициями и скептическому либерализму.

Таким образом, с точки зрения современного консерватизма Просвещение оставило “неоднозначное наследство” [Wilson, 1993, p. 13]. С одной стороны, Просвещение дало средство борьбы с моральным релятивизмом в виде учения об универсальной природе человека, но с другой – это же Просвещение открыло “ящик Пандоры” рационального конструктивизма, ставящего законы разума выше действительности. Иными словами, консерватизм позитивно относится к способности восприятия и понимания универсальных моральных норм, но отрицает способность радикального переустройства общества на основе универсального разума.

Такая неоднозначность консерватизма и создает достаточные сложности в понимании его взаимоотношений с постмодернизмом, задавая противоположные мыслительные импульсы: с одной стороны, стремление отстаивать универсальные ценности, задающие стандарты морали и авторитета, что ведет к идентификации постмодернизма как угрозы; с другой – убежденность в ограниченной природе человека, которая представляет угрозу для традиций, разрушаемых самонадеянной верой в рационализм, что роднит консерватизм с постмодернизмом.

Тем не менее чаще всего преобладает первая точка зрения, обозначающая постмодернизм как угрозу “вечным” консервативным ценностям. И основная причина такой тенденциозности состоит в том, что консерватизм слишком чуток к историческому контексту. Поэтому то, что устраивало консерваторов в XIX в. (и из чего выросло консервативное мышление, открытое К. Мангеймом [Мангейм, 1994⁶]), уже не может их удовлетворить на рубеже XX–XXI вв., с каким бы сочувствием они ни относились к собственным корням. Аргументация при этом может быть в высшей степени прагматическая и даже циничная: “Скептицизм невинен и даже привлекателен во времена страданий, порожденных чрезмерной верностью принципам, и удовольствий, извлекаемых их устоявшихся обычаях... но когда эти обычаи стали небезопасными и вышли из употребления, консерватизм должен искать приемлемые цивилизованные ценности где-то в другом месте” [Himmelfarb, 1989, p. 228].

Таким образом, пока устои общественного порядка подрывали рационалистические идеологические конструкции либералов и социалистов, главным для консерваторов было противостояние универсальному всепоглощающему рационализму. Однако то, что большинство современных консервативных мыслителей придерживаются противоположных позиций, свидетельствует: основную угрозу для них представляют дезинтегративные последствия постмодернистских доктрин. И для противостояния подобной “деморализации” и распаду базовых ценностей, консерватизм готов обращаться к концепциям, ранее ему враждебным (см. об этом [Himmelfarb, 1996]).

Иными словами, *обращение современного консерватизма к принципам Просвещения носит во многом инструментальный характер*. Просвещенческие идеи нужны

как механизмы защиты традиционных ценностей и институтов. В то же время консервативные мыслители враждебно относятся не столько к теоретическим конструкциям постмодернизма, сколько к тому общественному и политическому резонансу, который получили идеи постмодернистов. По сути, многие теоретики-консерваторы признавали (хотя бы отчасти) привлекательность теоретических построений постмодернизма, но готовы были пожертвовать теоретической целостностью во имя социально-политической пользы: «...конечно, ни один консерватор не будет рад распространению релятивизма, поскольку люди придерживаются ценностей лишь до тех пор, пока верят в их авторитет. Это философский вопрос, является ли релятивизм истиной. Однако в политическом плане будет лучше, если в это поверит немного людей. Как и Платону, консерватору, возможно, придется выступать защитником “благородной лжи”. Он мог бы с чистой совестью защищать идеологию, поддерживающую общественный порядок, вне зависимости от того, соответствует она реальности или нет» [Scruton, 1984, p. 139–140]. Примечательно, что приведенная цитата принадлежит Скрутону, называвшему релятивизм прибежищем негодяев. Но если “благородная ложь” используется консерватором для того, чтобы бороться с релятивистами, то вопрос о том, кто в этой ситуации негодяй, остается открытым...

* * *

Таким образом, хотя теоретическое сходство между постмодернистской философией и консервативным способом мышления очевидно, возможность прочного практического (то есть ценностно-политического) союза между консерватизмом и постмодернизмом весьма ограничена вследствие практических политических и культурных последствий постмодернистской пропаганды. Хотя тема несовершенства человека и ограниченности рационализма составляет значительную часть консервативного взгляда на мир, для консерватизма как идеологии принципиальным вопросом остается необходимость поддержания и сохранения общественного и политического порядка. И последнее есть камень преткновения, делающий постмодернизм с его деконструкцией Современности одним из главных врагов для многих (хотя и не всех) консервативных мыслителей. *Для консерватора недопустима чистая постмодернистская проблематизация политической и культурной перспективы без способов поддержания моральных устоев.*

Наверное, время для глубокого синтеза консерватизма и постмодернизма еще не настало. Это не означает, что подобный синтез невозможен в принципе, если вспомнить, что современный консерватизм не чужд риторике Просвещения (своего исторического и идеологического противника), которая используется для защиты культурных устоев современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берк Э.* Размышления о революции во Франции. М., 1993.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
Мангейм К. Идеология и утопия // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994^a.
Мангейм К. Консервативная мысль // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994^b.
Мусихин Г.И. Авторитет власти и авторитет разума // *Полития.* 2006. № 3.
Мусихин Г.И. Соотношение авторитета и традиции: философское осмысление и властная реальность Германии и России конца XVIII–начала XX века // *Вопросы философии.* 2002. № 10.
Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976.
Bell D. The Revolt Against Modernity // *Public Interest.* 1985. № 81.
Bloom A. The Closing of the American Mind. New York, 1987.
Cheney L. Telling the Truth. New York, 1995.
Devigne R. Recasting Conservatism: Oakeshott, Strauss, and the Response to Postmodernism. New Haven, 1994.
D'Souza D. Illiberal Education. New York, 1991.

- Faking It. London: Social Affairs Unit. 1998.
- Furedi F.* Mythical Past, Elusive Future. London, 1992.
- Gray J.* Enlightenment's Wake. London, 1995.
- Gray J.* Post-Liberalism. London, 1993.
- Himmelfarb G.* Marriage and Morals Amongst the Victorians and Other Essays. London, 1989.
- Himmelfarb G.* The De-moralization of Society. New York, 1996.
- Holbrook D.* The Virus of Evil in Culture // The Salisbury Review. 1994. № 13/1.
- Habermas J.* Modernity – an Incomplete Project // Postmodern Culture. London, 1985.
- Kimball R.* Whose Enlightenment is it? A Review of Todd Gitlin's "The Twilight of Common Dreams" // New Criterion. 1996. № 14/8.
- Kristol I.* «America's "exceptional conservatism"» // Conservative Realism. London, 1995.
- Kristol I.* Reflections of a Neoconservative. New York, 1983.
- Lingis A.* Some Questions about Lyotard's Postmodern Legitimation Narrative // Philosophy and Social Criticism. 1994. № 20/1–2.
- Lyotard J.* The Postmodern Condition. Manchester. 1984.
- Mansfield H.* Democracy and the Great Books // New Republic. 1988. № 4.
- Mészáros I.* Power and Ideology. London, 1989.
- Murray C., Herrnstein R.J.* The Bell Curve: Intelligence and Class Structure in American Life. New York, 1994.
- Oakeshott M.* On Human Conduct. Oxford, 1975.
- Oakeshott M.* Rationalism in Politics. London, 1962.
- O'Sullivan N.* Conservatism. London, 1976.
- O'Sullivan J.* Conservatism and Cultural Identity // Conservative Realism. London, 1996.
- O'Sullivan N.* The New Right: the Quest for a Civil Philosophy in Europe and America – The Nature of the Right. London, 1989.
- O'Sullivan J.* Political Integration, the Limited State and the Philosophy of Postmodernism // Political Studies. 1993. № 41.
- Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Oxford, 1980.
- Rorty R.* That Old-time Philosophy // New Republic. 1988. № 4.
- Rorty R.* Thugs and Theorists // Political Theory. 1987. № 15/4.
- Schwartz J.* Anti-Humanism in the Humanities // Public Interest. 1990. № 99.
- Scruton R.* In Inverted Commas // Times Literary Supplement. December 18, 1992.
- Scruton R.* Modern Philosophy. London, 1994.
- Scruton R.* The Meaning of Conservatism. London, 1984.
- Stanlis P.* Edmund Burke and the Natural Law. Ann Arbor, 1958.
- Strauss L.* Natural Right and History. Chicago, 1953.
- Weaver R.* Ideas Have Consequences. Chicago, 1948.
- Will G.* The Leveling Wind. New York, 1994,
- Wilson J.Q.* The Moral Sense. New York, 1993.